

Зои Фрааде-Бланар

Арон Глейзер

СУПЕРФЭНДОМ

Как под воздействием
увлеченности меняются
объекты нашего потребления
и мы сами

УДК 659.11/.19

ББК 76.006.5

Ф82

Zoe Fraade-Blanar & Aaron M. Glazer
SUPERFANDOM
How Our Obsessions Are Changing What We Buy and Who We Are

Перевод с английского *Владимира Кузина*

- Фрааде-Бланар З., Глейзер А.**
Ф82 Суперфэндом : Как под воздействием увлеченности меняются объекты нашего потребления и мы сами / Зои Фрааде-Бланар, Арон Глейзер ; [пер. с англ. В. И. Кузина]. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 352 с.

ISBN 978-5-389-11676-4

Интернет обеспечивает непосредственный контакт с ядром аудитории при создании инновационных продуктов и технологий — теперь компании могут общаться со своими фанатами напрямую; эта новая эра тесного симбиоза открывает для производителей новые возможности. Влияние фанатов становится сильнее, так как фэндомы все активнее стремятся участвовать в судьбе тех вещей и явлений, которые они боготворят. Авторы книги в провоцирующей манере исследуют эти развивающиеся взаимодействия, опираясь на множество примеров, и пытаются объяснить, почему одни типы коммуникаций с фанатами оказываются успешными, а другие — нет.

«В данный момент фан-объекты и фанаты играют две разные роли в мире потребления. Есть производители, и есть покупатели. Эти две категории редко пересекаются. Но по мере того, как аудитория от простого потребления фан-текста переходит к влиянию на этот фан-текст или даже к дополнению его, зазор между аудиторией и фан-объектом сужается.

Что произойдет, когда этот зазор исчезнет? Ждать этого придется не очень долго. Мы вступаем в эпоху сближения, эпоху фэндомной сингулярности, когда сотрутся границы между фан-объектом и фанатами, между создателем и потребителем. Это то будущее, в котором линии коммуникации между продуктом и покупателем работают в обоих направлениях. Это будущее, в котором все составляет часть общего канона».

(Зои Фрааде-Бланар, Арон Глейзер)

УДК 659.11/.19

ББК 76.006.5

ISBN 978-5-389-11676-4

© 2017 by Zoe Fraade-Blanar and Aaron M. Glazer
© Кузин В.И., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
КоЛибри®

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение. Познакомьтесь с самобытностью фэндома	15
1. Фэндом – это глагол	37
2. Взлет коммерческого фэндома.....	68
3. От необычного к обычному.....	104
4. Ношение знака фэндома на рукаве.....	136
5. Статус и членство в самом счастливом месте на Земле	171
6. Фанаты: какая от них польза?	203
7. Аутентичность.....	235
8. Когда фэндом ведет себя не так, как надо	265
Послесловие.....	297
<i>Благодарности</i>	301
<i>Примечания</i>	304

ПРЕДИСЛОВИЕ

29 октября 2012 г., Нью-Йорк

Телеканал The Weather предупредил нас о приближающемся урагане, но мы не слишком беспокоились. Прошел почти год с тех пор, как на Ирэн едва не упало дерево, но в любом случае менять наши планы было слишком поздно.

Уже два дня персонал Squishable.com. готовился к вечеринке. К виртуальной вечеринке по случаю Хеллоуина. Два года подряд наши фанаты удивляли нас, подбрасывая сообщения о собственных вечеринках на нашу страницу в Facebook и наводняя ее рисунками и фотографиями самих себя и своих мягких игрушек в праздничной атрибутике, а также рассказами о том, как они пекли печенье, играли в игры и в целом приятно проводили время [1]*. В этот раз мы сами решили стать хозяевами вечеринки. Приглашения были заранее размещены на различных платформах социальных медиа, и сотни фанатов Squishable со всего мира уже подтвердили, что собираются присутствовать у нас (разумеется, виртуально).

* Цифры в квадратных скобках отсылают к примечаниям авторов в конце книги.

В Нью-Йорке из-за объявленного штормового предупреждения была закрыта подземка, поэтому наша команда работала из разных точек города. В Facebook суперфанат Дэни разместил такой пост: «Мы слушаем сообщения о погоде и беспокоимся о наших друзьях на побережье. Пожалуйста, оставайтесь в безопасном месте!!! Теперь на другую тему: будет ли отложена вечеринка по случаю Хеллоуина?» Несколько дней мы поглядывали друг на друга с немым вопросом: «Что мы должны ответить?» Даже за несколько часов до начала каждый из нас во внутреннем чате сталкивался с той или иной версией вопроса клиента «Так, может быть, это неподходящий вечер?»*, и мы снова и снова изучали прогноз погоды на Google.

Мы не хотели никого разочаровывать, да и в любом случае подготовка заняла целых три рабочих дня, когда нам предлагалось проектировать новые изделия или отбирать образцы меха. Никто из нас не был достаточно опытен в бизнесе, чтобы грамотно оценить риски невозвратных издержек. Имя урагана звучало не слишком устрашающе. Сэнди? Ну что же, пусть будет Сэнди.

Squishable – это высокотехнологичная компания с уклоном в производство игрушек, так шутят наши сотрудники. Мы создаем мягкие игрушки в виде животных. Большие и маленькие забавные игрушки. В основном наша команда состоит из бывших работников других отраслей – программистов, юристов, финансистов, государственных служащих и журналистов, – и это с самого начала помогало нам избегать многих ловушек. Большинство производителей игрушек сбывают продукцию оптовикам, мы же продаем свыше половины наших запасов через собственный сайт. Большинство производителей игрушек выпускают от шести до двенадцати новых

* Пожалуйста, имейте в виду, что здесь и далее мы воспроизводим посты в социальных медиа в их оригинальном, неотредактированном виде. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. авторов.

наименований в год, а мы – сотни. Большинство производителей игрушек ориентируются на детей; у нас тоже много фанатов-детей, но самая активная наша аудитория – это подростки и молодежь. Большинство производителей игрушек создают команду дизайнеров для поиска новых идей; мы же используем предложения наших фанатов – их концепции, их дизайнерские разработки и, в конце концов, их рисунки. Возможно, мы первая компания, создавшая плюшевых креветок, Ктулху, Мрачного Жнеца и ломтик тоста.

В начале этого года мы решили провести на Kickstarter кампанию по сбору средств для выпуска игрушечной собачки породы сиба-ину, хотя такой проект первоначально не входил в наши планы. В конкурсе, который мы организовали, чтобы выбрать породу собаки для прототипа новой игрушки, сиба-ину занял второе место, уступив вельш-корги, безусловному лидеру. На Kickstarter мы предложили следующую концепцию: рыжая собака с круглыми глазами. В ответ получили многочисленные «да», «да» и «да»: фанатам понравилась наша рыжая сиба, и они были готовы ждать, пока игрушку изготовят, привезут нам и мы выставим ее на продажу.

В начале октября Kickstarter все еще медлил. Когда же появились посты с изображением прототипа, мы получили неожиданный комментарий одной фанатки: теперь, увидев фото, она решила, что у собаки должен быть золотистый мех и глаза другой формы. И тут гневные комментарии обрушились на нас в Kickstarter, Facebook и через электронную почту [2]. Мы загубили дизайн. Мы исчадия ада. Мы предали их. Они пожалуются на нас в Kickstarter. Они больше не купят ни одной игрушки Squishable!

Мы были ошеломлены. Как же это вышло? Каждый вечер я судорожно размышляла, как поступить. Мы хотели сохранить хорошие отношения с фанатами, но у нас не было денег на вторую версию. Я лила слезы. Неужели мы погубили свою компанию тем, что попытались сделать что-то необычное?

В конце октября атмосфера в офисе была напряженной. Настало подходящее время для позитивного мероприятия, которое напомнило бы каждому, что наша компания – это нечто большее, чем рыжая собачка породы сиба-ину. Такого шанса в следующем году у нас не будет. Ведь как только через две недели начнется предпраздничная суета, все, что мы сумеем сделать, так это обновить информацию в социальных медиа. А кроме того, мы действительно любим наших фанатов.

В то время только три члена креативной группы занимались организацией вечеринки: я и дизайнеры Мелисса и Кендра. Скотт, наш офис-менеджер, занимался подготовкой контента и материалов. Каждый сотрудник компании планировал хотя бы одно виртуальное появление – даже Чарлз, наш юрисконсульт, собирался присоединиться к нам.

Так как все остальные жили в Бруклине или Куинсе, фотооборудование было доставлено из офиса на Юнион-сквер, на тринадцатый этаж дома, в котором снимали квартиру мы с Ароном. Дом находился на Ист-Ривер на Манхэттене, практически на границе с зоной обязательной эвакуации. Мы знали, что возможны перебои с электричеством, и привезли с собой полдюжины ноутбуков с полностью заряженными аккумуляторами. Помимо оптоволоконной линии, двух разных хот-спотов для подключения мобильных телефонов и – на случай, если все остальное перестанет работать, – автономного модема Sprint выпуска 2010 г., мы продумали множество других способов выйти в интернет даже в экстренной ситуации.

Фанаты на протяжении нескольких часов демонстрировали в своих постах боевой настрой:

«Дорогая Сэнди: не отключай электричество ни у меня, ни у кого-то другого! Мы собираемся посетить очень веселую вечеринку. Если же ты сделаешь это, ты узнаешь силу МОЕГО гнева!! ГНЕВА!! АД НЕ ЗНАЛ ЯРОСТИ, ПОДОБНОЙ ЯРОСТИ ОБМАНУТОГО СКВИШЕРА!!!» – писал Мэл.

«Я готова к Франкеншторму. Если нам необходима эвакуация, я требую, чтобы каждый взял с собой одного Squishable нормального размера и одного мини. Самых мелких мы прикрепим к сумке моей мамы. НУ-КА, НАЛЕТАЙ!» – писала Саманта.

«Будьте осторожны во время Франкеншторма все!.. К счастью, ваш дом/квартиру не зальет водой, и игрушки Squishable не намокнут!» – написал в своем посте Oceanus, мини-нарвал Squishable, по-видимому, от имени своего владельца.

За два часа до начала суперфанатка Сара отправила пост: «Все готово к празднованию Хеллоуина?!?!?! Я не могу ждать!! У меня есть костюмы для моих мягких друзей, и я должна приготовить еду и напитки, когда приду домой с работы. Мы вынули мякоть из тыкв еще вчера, так что я нажарю семечек и тыквенных оладий, сделаю попкорн и горячее какао! У меня также есть леденцы и яблоки в карамели! Все для веселого и приятного вечера!!»

Об отмене не могло быть и речи. Ведь мы все – Squishable! Мы выдержим суперураган!

Когда ветер задул так, как и было предсказано, Арон и я еще раз вышли на улицу, где увидели заколоченные окна и мешки с песком, закрывающие вход в метро. Попытки найти аккумуляторы для фотовспышек оказались безуспешны, но зато мы сумели купить последнюю упаковку корма для Ойстера, щенка йоркипу*. Затем мы вернулись домой, наполнили водой ванну и раковины, открыли несколько банок пива и стали ждать семи вечера.

«Я на улице – оставайтесь в безопасности и не промокните!» – написала из своего дома в Мичигане Бет, руководитель группы обслуживания покупателей.

Когда на Восточном побережье пробило семь, на страницу в Facebook стали поступать фотографии от первых прибывших

* Йоркипу (англ. yorkie-poodle, yorkieroo) – помесь йоркширского терьера и пуделя. – Прим. ред.

гостей. «А вот и мы!» – сообщила Мелисса в нашем чате [3]. Мы разместили свои приветствия в Facebook, и сотни фанатов разразились радостными возгласами:

«КТОООООВЕЧЕРИНКАВЕЧЕРИНКА!!!»

«ВРЕМЯВЕЧЕРИНКИНАСТУПИЛО!!!! УАААА!!!!»

«Берегитесь! Этот гость прибывает в эпицентр урагана».

«ААА! ВЕЧЕРИНКА! А ВОТ И Я СО СВОИМИ 13 СКВИШАМИ!»

«НЕПРИЯТНОСТЬ ИЛИ СКВИШ!!!» –

и завалили страницу фотографиями игрушечных зверей, одетых в костюмы привидений и пиратов.

В половине восьмого, когда мы вывесили правила конкурса на лучший лимерик, начался дождь. Еще через 15 минут, когда мы разместили первые фотографии с вечеринки, дождь полил как из ведра. Из Сансет-парка, расположенного на юге Бруклина, Мелисса прислала видеоклип Thriller Майкла Джексона. На востоке города, в районе Бедфорд – Стайвесант, Кендра разместила пост с черно-белыми рисунками и предложила раскрасить их фанатам. Мелисса опубликовала призыв выражать идеи графически. Я поделилась фотографиями нарвала Squishable в вазочке с кукурузными конфетами и лошади Squishable, пытающейся достать яблоко. Мы использовали личные аккаунты в Facebook, чтобы фанаты знали, что это действительно мы, и наши посты смешались с сотнями фотографий, стекавшихся со всей страны: грифоны Squishable, одетые в костюмы персонажей фильма о Гарри Поттере, аксолотль, наряженный как Сейлор Мун, бык и корова в свадебном платье и енот в образе телеведущего.

«Может кто-нибудь нарисовать мне нарвала?»

«Я пеку печенье Зои&Ктулху!!!»

«Кто-нибудь из вас понимает, как трудно изготовить костюмы для 96 игрушек Squishable?!»

«Жил-был сквиш из Нантакета...»

«Эта FB-вечеринка мне решительно нравится:»

Стекла в оконных рамах на тринадцатом этаже дребезжали под напором ветра. Трех пешеходам, которые продвигались к своему дому против ураганного ветра, помогали устоять на ногах несколько студентов колледжа.

Мы упорно старались соблюдать намеченный график и отправлять каждый пост строго в установленное время. Конкурс костюмов в 20:00. Страница с рисунками для раскрашивания в 20:15. Фотография наряженной тыквы в 20:20. Мелиссу засыпали просьбами показать рисунки фанатов, и Кендра пришла ей на помощь. Мобильная связь не работала, и вопреки ожиданиям ни один из рисунков не удалось загрузить с телефона.

«хахаха omg ни один из них не доходит. Omg. а запросов все больше хаха. помогите», – писала Мелисса.

«Мы смеемся, потому что иначе нам пришлось бы плакать», – писала Кендра. – К концу вечера я непременно поседею».

В минуту временного затишья мы включили один из резервных компьютеров и посмотрели новости на Twitter и CNN. Бэттери-парк на юге города был под водой. Авеню С в паре кварталов к востоку была под водой. Хобокен был под водой. Вода залила туннели метро. В окна мы видели, как поднималась Ист-Ривер. Потом мы узнали, что в огромном медицинском центре Лангон при Нью-Йоркском университете в десяти кварталах к северу от нас вышли из строя резервные генераторы и персонал в кромешной темноте занимался эвакуацией больных и детей.

«как вы справляетесь с ураганом!?!? надеюсь у вас все о'кей!» – написала наша фанатка Рейчел.

Мы обменялись сообщениями в ожидании возможных отключений энергии. «#ConEd прекращает электроснабжение части Бруклина для защиты оборудования компании и потребителей», – предупредили мы наших бруклинцев. В ответ они разместили взятую из Twitter фотографию машин, плывущих по воде в нескольких кварталах от нашего дома.

«Зои, не обижайся, эта FB-вечеринка прекрасна и ужасна одновременно, к нам присоединяется все больше и больше фанатов, но давай никогда-никогда больше не будем повторять ее», – написала Мелисса.

«Сейчас я в порядке, только перенервничала!» – писала Кендра, в то время как лампочки то гасли, то загорались снова.

«Тебе необязательно продолжать, если ты не хочешь, это не твоя главная задача».

«Все здорово!» – настаивала Кендра. Позднее она призналась, что набирала это сообщение, сидя на полу в прихожей, единственном помещении без окон в ее квартире, слушая, как ветер сдирает листы железа с крыши.

Мы постили, постили и постили, в то время как ветер ломился в наши окна, а ближайшие улицы превращались в реки. Когда мы выглянули наружу, здания вокруг погрузились в темноту, став похожими на острова, омываемые потоками воды. И неужели это действительно вода переливалась через магистраль ФДР? Ойстер остался сегодня без вечерней прогулки. Но я все равно не смогла бы выманить его из-под кровати.

Около половины девятого мы увидели сильную вспышку и услышали звук взрыва на юго-востоке, после чего лампочки окончательно погасли. Позднее мы узнали, что это взорвался трансформатор Con Ed на Четырнадцатой улице, после чего южная часть Манхэттена погрузилась в кромешную тьму. За окнами дождь продолжал лить не переставая.

Мы вынули резервные ноутбуки и попробовали выйти в интернет. Ничего не вышло. Мы попробовали воспользоваться мобильными телефонами. Они молчали. Мы включили автономный беспроводной модем Sprint. Он работал – можно было послать наш SOS в сторону Бруклина, где еще продолжали мерцать какие-то огоньки. «Сообщите, что у нас нет доступа к Facebook, но пусть не беспокоятся, скажите им, чтобы продолжали вечеринку без нас». После этого отключился и модем.

Мы сидели в темноте, попивая вынутое из размораживающегося холодильника пиво, и посмеивались над тем, какой странной стала наша жизнь.

На следующее утро мы с Ойстером спустились вниз, чтобы изучить положение дел снаружи. Автомобили на Двадцатой улице, унесенные водой и забитые мусором до половины, были разбросаны повсюду, как детали конструктора LEGO. Железнодорожная шпала, вырванная из стенки набережной, оказалась на крыше Ford Mustang. Улицы были покрыты грязью и песком и усыпаны битым стеклом; потоки мутной воды продолжали прорезать канавки в этом месиве, устремляясь к реке. Нижнее перекрытие соседнего здания разломилось на части, смятая дверь наполовину торчала из воды, дополняя общую картину заболоченных апокалиптических руин.

Казалось, все жители Ист-Виллиджа стоят по берегам реки в свитерах и теплых накидках, держа над головами мобильные телефоны в надежде поймать слабые сигналы ретрансляционных вышек, расположенных в Бруклине.

Первый внешний контакт был у нас с Чарлзом – он обнаружил работающий Wi-Fi в районе Бруклинского моста, где и расположился рядом с группой перепачканных грязью финансистов. Медленно, один за другим, все сотрудники Squishable, используя SMS, электронную почту и чаты, сообщили, что подавлены случившимся, но находятся в безопасности.

Скотт изъявил желание сообщить всему миру через социальные сети, что мы еще существуем. Спустя несколько минут он рассказал нам, что после нашего исчезновения двое суперфанатов продолжили вести вечеринку, отвечая на вопросы о конкурсе костюмов, транслируя музыку и принимая рисунки – в общем, делая все необходимое до глубокой ночи. Какое-то время они поддерживали проведение общенациональной игры «Две правды и одна ложь».

«Рада слышать, что все в Нью-Йорке живы и здоровы», – немедленно написала фанатка Кэт. Это был чудесный момент. Разбросанные по всему городу, мы все же вновь почувствовали связь друг с другом.

«Мы организовали термоядерное медийное мероприятие!» – заявила Мелисса.

Когда мы собирались на прогулку по не пострадавшей от воды части города, где работали магазины, имелись теплые гостиничные номера и можно было перехватить тарелку горячего вермишелевого супа, звякнул мой мобильный телефон. Я проверила электронную почту. Это была одна из наших суперфанаток. Она хотела сообщить нам, что ей совершенно наплевать на окрас собаки сиба-ину.

Зои Фрааде-Бланар

ВВЕДЕНИЕ

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С САМОБЫТНОСТЬЮ ФЭНДОМА

«Я никогда не думала, что смогу это сделать!»

Летом 1896 г. Алиса Дрейк покинула свой дом в Колорадо и села на борт трансатлантического лайнера, отправлявшегося в Европу. Она была молода, богата и достаточно красива, чтобы время от времени навлекать на себя непристойные комментарии местных жителей. Она также была старательной пианисткой.

В XIX в. Гран-тур был обязательным обрядом для многих американцев высшего сословия. Молодые аристократы (и сопровождавшие их повара, слуги, гувернеры и просто прихлебатели) педантично посещали важнейшие исторические и культурные места Европы, путешествуя месяцами, а иногда и годами. Во многих странах такая традиция сохранилась под названием «академического отпуска», «года за границей» или, в некоторых случаях, «она все еще болтается по Европе без дела? Скоро уже будет год!».

Большинство родителей направляли своих отпрысков осматривать музеи Нидерландов и соборы и руины Италии.

Допускалась остановка в Париже, чтобы взять уроки танцев или фехтования или поучиться в одной из местных художественных школ. Но целью Алисы были не римские развалины или древности Пизы. Она и ее подруга Гертруда галопом промчались по Бельгии и достигли Германии. После краткой остановки в Берлине Алиса направилась в Веймар. Там она нашла дом композитора Ференца Листа, скончавшегося десять лет тому назад, и попробовала получить разрешение войти внутрь.

Ей пришлось сделать две попытки. В первый день Алиса Дрейк и ее новые друзья приехали слишком поздно и были вынуждены довольствоваться разглядыванием оранжереи Листа. Не обескураженные неудачей, они повторили попытку ранним утром следующего дня. Дрейк разыскала удивленно-го ее появлением смотрителя дома, «милого старичка», и дала ему три пфеннига, чтобы он открыл дверь.

Она поиграла на фортепиано Листа! Она восторженно осмотрела его коллекцию подарков от коронованных особ Европы! Она убедила смотрителя оставить автограф на обороте полученной ею почтовой карточки (ведь этот человек прожил при Листе двадцать семь лет!).

Она резвилась в священных для нее комнатах так долго, что ее счастливая маленькая группа едва не опоздала на поезд, примчавшись на станцию за минуту до его отправления. Друзья собрались в одном купе, смеясь, переводя дыхание и удивляясь тому, что смотритель потребовал столь маленькую плату за доступ к таким сокровищам.

«Я никогда не думала, что смогу это сделать!» – записала Дрейк тем же вечером в своем дневнике [4].

С посещением дома Вольфганга Амадея Моцарта все прошло не так гладко. Хотя этот дом был главной целью Алисы в Зальцбурге, район, в котором он находился, с его узкими кривыми улочками и истертыми каменными ступенями лестниц, выглядел крайне непрезентабельно. Алиса вошла в один из домов и стала подниматься по лестнице, пока не поняла,

что ошиблась адресом. Она беспечно сделала новую попытку, но небольшая квартира на третьем этаже с колыбелью Моцарта и семейными портретами не оправдала ее ожиданий. Позднее Алиса написала: «Я не в восторге от его музыки, поэтому вполне естественно, что все это не слишком заинтересовало меня...»

В доме Вильгельма Рихарда Вагнера дела пошли еще хуже. Сначала смотритель дома отказался принять подношение, а затем впустил Дрейк, но не дальше садика, разбитого перед входом. Позднее она с раздражением вспоминала, что это место оказалось единственным в Германии, где слуг, по-видимому, нельзя подкупить.

«Забавно сидеть рядом с великим артистом и наблюдать за ним», – записала она в декабре. Когда Алиса Дрейк не пыталась вторгаться в чужие владения, она проводила время в Германии в поисках музыкальных развлечений. Все ее любимые оперы были написаны Вагнером, но, когда его музыка не звучала в местных концертных залах, Алиса довольствовалась тем репертуаром, который они предлагали.

Она старательно клеивала в альбом памятные вещицы, остававшиеся после каждого концерта: программки, билеты и нотные записи отрывков музыкальных произведений. Также в альбоме хранились критические заметки о спектаклях («Пела Суха. У нее пропал голос, поэтому она больше меня не очаровывает»), записи сплетен об артистах («Я полагаю, мы никогда не слышали об Александре Печникове в Америке... Недавно он женился на молодой американке»), мнения об исполнителях («Это автограф дирижера. Его нельзя назвать великим») и описания каждого оперного театра, схемы расположения оркестрантов и душевного состояния самой Алисы до и после представления. Характер ее почерка позволяет предположить, что эти заметки не предназначались для чужих глаз.

По поводу представления оперы Вагнера она написала: «“Кольцо Нибелунгов” будут давать с сегодняшнего дня. Мы

купили билеты на все вечерние спектакли. Затаив дыхание, я жду, когда смогу увидеть исполнительницу партии Брунгильды». И позднее: «Из всех на роль Брунгильды выбрали фрейлейн Ревиль. Мне делается от этого дурно. Да еще и цены взлетели... Как бы то ни было, Рено и Либау всегда хороши, а слышать оркестр так приятно, так что я полагаю, что смогу это вынести. Но в действительности испытание будет суровым...»

Находясь в Берлине, Дрейк удостоилась прослушивания у знаменитого педагога Карла Генриха Барта. Хотя служанка сначала не хотела впускать ее в дом, Дрейк настояла на своем и вскоре с трясущимися руками вошла в музыкальный кабинет Барта, где с благоговением стала взирать на два рояля «Бехштейн». Наконец появился сам хозяин. («Ей-богу! Он выглядел таким важным!») После исполнения отрывков из нескольких произведений («Очень музыкально», – сказал он) ей было объявлено, что она сумела добиться вожделенного места одной из учениц Барта. Алиса вышла из его дома, расплывшись в улыбке – по ее собственным словам, «от уха до уха».

Однако когда месяц спустя пришло время первого урока, она пропустила его, чтобы пойти на «Зигфрида», свою любимую оперу Вагнера. Ожидалось, что на спектакле будет присутствовать сам кайзер.

Музыкальный диагноз

Меломания, чрезмерная и неконтролируемая любовь к музыке, была реальным и серьезным патологическим диагнозом многих американцев в конце XIX и начале XX в. [5]. Не одна юная Алиса Дрейк страдала такой одержимостью; самым разным людям, от клерков до молодых аристократов, индустриализация предоставила невиданные ранее возможности для наслаждения тем, что прежде было относительно ограниченным по масштабу явлением. В условиях бурного роста

экономики, начавшегося после окончания Гражданской войны, страна переживала глубокие социальные и культурные изменения. Урбанизация! Железные дороги! Процветающая экономика! – люди могли тратить деньги на все, что хотели.

В начале века любители музыки довольствовались тем, что собирались всей семьей вокруг фортепиано после обеда, но теперь города росли, а это предполагало строительство огромных концертных залов [6; 7]. Если раньше люди обычно ходили в ближайшую церковь, то с появлением трамваев и поездов они могли посещать любую церковную службу в городе. До начала индустриализации людей развлекали только местные музыканты, в том числе члены семьи. Теперь же огромное сообщество путешествующих виртуозов стало знакомить аудиторию с талантами со всего мира, с экзотическими композициями и с драмами из жизни знаменитостей.

Хорошее было время, чтобы послушать какого-нибудь Вагнера! Но многие энтузиасты полагали, что просто послушать недостаточно. «Они говорили: “Это здорово, но мы хотим большего [8]. Мы хотим, чтобы наши впечатления от музыки сохранились”. Поэтому они стали действовать по-своему, выходя за пределы сложившейся парадигмы “одного билета на одно представление”», – считает историк культуры Дэниел Кавикки. Слушать музыку на концерте приятно, но почему бы не коллекционировать партитуры исполнявшихся произведений и программки, старательно собирая их в альбомах? Почему бы не простаивать часами под балконом примадонны в надежде мельком увидеть ее лицо? Или не посещать каждый концерт музыкального сезона, приходя снова и снова, чтобы оценить звучание в разных местах концертного зала? Или не отправиться в Веймар, чтобы проникнуть в дом Листа?

Молодые леди отказывались от встреч со своими кавалерами ради оперы [9]. Конторские служащие губили карьеры

только из-за неспособности отказаться от посещения еще одного спектакля. Музыкальные педагоги прорывались на сцену, чтобы обнять исполнителей. Женщины средних лет вскакивали с мест и громкими криками выражали восторг. Очевидно, что-то нужно было делать.

Завершение Гражданской войны в США породило у социальных реформаторов стремление творить добро. Крестовый поход против меломании, хоть никогда и не велся с тем же пылом, что борьба за трезвость, но все же набирал силу. «Мало того, – утверждали его активные участники, – что новая волна иммигрантской культуры уже создала угрозу чистоте истинно американской музыки; это новое племя меломанов даже не имеет понятия о том, как наслаждаться музыкой должным образом. Ей следует внимать, сохраняя самообладание и старательно сдерживая реакции своего разума, если таковые вообще допустимы».

«Концертный зал был набит людьми, роившимися как пчелы», – жаловался один потрясенный посетитель концерта, верный взглядам Викторианской эпохи. «Мы видели, как с дам слетают шляпы», – задыхался от возмущения другой [10]. Обычному консерватору, затянутому в корсет, а затем закутанному еще в пять слоев одежды, переполненность концертного зала казалась невыносимой. И дело было не в том, что Моцарт или Вагнер обязательно оказывали дурное влияние на слушателей, а в том, что необузданные эмоции, которые они вызывали, противоречили всем требованиям благопристойности [11]. В уважаемом обществе, где даже самое целомудренное соприкосновение пальцев практически неизбежно означало помолвку, толпа потных музыкальных маньяков, толкающих в порыве энтузиазма своих соседей, выглядела устрашающе.

Как указывает Кавикки, к 1833 г. термин «меломания» появился в «Новом словаре медицины и литературы» (New Dictionary of Medical Science and Literature). У тех, кто страдает

меломанией, «страсть к музыке достигает такой степени, что расстраивает их умственные способности».

А это возбуждение, эта внутренняя свобода могли быть причиной, по которой для столь многих ретроградов музыкальное неистовство стало наилучшим каналом высвобождения подавленных страстных желаний. Музыка была мятежной. Музыка была чистой, доброй и прекрасной, даже если профаны ее не понимали (а может, именно по этой причине). Музыка давала преданным ей людям темы для обсуждения и повод собираться вместе. Музыка была чем-то таким, чем интересно заниматься.

Музыка – и люди, которые ее исполняли, и связанные с ней занятия, и любившая ее аудитория – олицетворяла веселье в культуре, которая с большой настороженностью относилась к самому этому понятию.

Людам свойственно объединяться

Люди всегда испытывали острую потребность как в установлении связи друг с другом, так и в гармонии с самими собой. Этот инстинкт настолько глубоко укоренился в нашем сознании, что мы постоянно и незаметно для себя изучаем наше окружение в надежде обнаружить элементы культуры, которые могли бы помочь нам стать «лучше», чем мы есть. С эволюционной точки зрения группа первобытных охотников, видевших в окружающем мире нечто связывающее их воедино, могла с большей вероятностью рассчитывать на добычу – было ли это «нечто» их общей любовью к богине Луны или презрением к странным почитателям богини Солнца, живущим на противоположном склоне горы.

Понятие «фэндом» относится к тем структурам и практикам, которые формируются вокруг элементов популярной культуры. Это очень древний, очень человеческий феномен; групповое поведение в фанатском духе, вероятно настолько же древнее, как сама культура. До нас дошло множество

историй о паломничествах – путешествиях к тем или иным местам не по причине их эстетической или экономической привлекательности, но просто ради возможности ощутить свою близость к чему-то важному. Описанные Чосером в «Кентерберийских рассказах» рыцарь, повар, монах, врач и другие паломники отправились в XIV в. к раке святого Томаса Беккета. На другом краю планеты, на японском полуострове Кии, до сих пор сохранились тропы, протоптанные тысячу лет тому назад паломниками, направлявшимися к гробницам Кумано [12].

Марджери Кемп известна сегодня как автор многих вымышленных историй о различных драматических событиях: семейных трагедиях, интригах, душевных травмах и случаях исцеления от болезней [13]. Хотя обычно ее истории представляются как автобиографические, не все они действительно произошли с самим автором. В сочинениях Кемп присутствуют персонажи из Библии – самого известного литературного произведения ее времени. До 1438 г. (предполагаемый год ее ухода из жизни) она написала большую книгу в жанре, который сейчас получил бы название фанфикшн – подробное описание дальнейших событий, произошедших с Марией, Иисусом и другими персонажами Нового Завета [14].

Иногда Марджери Кемп сочиняла сцены для заполнения тех периодов времени, которые не нашли отражения в каноническом тексте, иногда придумывала совершенно необычные эпизоды. Так, она изображает себя служанкой Девы Марии: несет поклажу Марии и Иосифа, когда те направляются навестить семью; подносит к постели Марии смесь из вина, яиц и жидкой овсяной каши, чтобы подкрепить силы Богоматери, оплакивающей Иисуса. В другие сочинения Кемп включает истории собственных паломничеств; она вообразила себя просящей у Марии пеленки, чтобы завернуть в них младенца Иисуса, – сюжет, навеянный воспоминаниями о ее собственном путешествии в Ассизи, где она видела подобную картину.

Мир позднего Средневековья был насыщен религиозными образами [15]. Церковные песнопения, соблюдение постов, религиозная живопись и архитектура, одеяния для богослужений, празднества и сложные ритуалы – все это давало обильную пищу творческому уму. Современные ученые трактуют истории Кемп как попытку приблизиться к любимой книге, связать себя с персонажами, о которых там рассказывается, и вписать себя в их жизни. Марджери Кемп надеялась, что за свое религиозное рвение будет причислена Церковью к лику святых; став святой, она смогла бы завершить свою ассимиляцию в тексте, который так любила.

Кемп была не первой, кто использовал такой тип литературной фантазии, – францисканские монахини пытались сделать это двумя веками ранее, вдохновленные популярным религиозным сочинением того времени «Размышления о жизни Христа» (*Meditationes vitae Christi*) [16]. Но монахини были частью официальной религиозной структуры. Кемп же к ней, безусловно, не принадлежала.

Период позднего Средневековья в Англии характеризовался новым этапом раскрепощения личности, однако так же, как меломания столкнулась с неприятием пуритан пять веков спустя, этот рост свободы вызвал резкое противодействие и Церкви, и общества в целом. Не всем нравились творческие потуги Кемп.

Сочинения Кемп, по крайней мере по ее словам, вызывали насмешки и враждебность публики. Рассказывая о себе в третьем лице, она писала, что в ее деревне «дерзкий мужчина... намеренно вылил ей на голову целое ведро воды». В Йорке, по ее признанию, «у нее было много врагов, которые клеветали на нее, насмехались над ней и презирали ее» [17]. Несколько раз к ней применяли меру, которую историк Гейл Мак-Мюррей Гибсон называла «временным домашним арестом» [18]. В то время как Кемп находилась взаперти, власти решали, что делать с ее странными и разрушительными

всплесками эмоций. Сама Кемп даже утверждала, что ее враги из числа местных жителей хотели сжечь ее на костре, но это, возможно, преувеличение. Трудно сказать, виделась ли она своим современникам опасной святой или просто чересчур эксцентричной особой, так как сама она, по-видимому, немало гордилась своим притеснением.

Демократизация фэндома

Различие между Марджери Кемп, Алисой Дрейк и сегодняшними книголюбями, простаивающими целую ночь в очереди у книжного магазина в ожидании нового опуса Джоан Роулинг, не в степени их энтузиазма. Различие в том, насколько доступен для них предмет их обожания.

Легко приписать нынешний взрывной рост фэндома тому, что представители технически грамотной аудитории теперь легко могут связываться друг с другом. С точки зрения масштаба это безусловно так. Но фэндом возник в доцифровую эру. До появления первого фонографа [19]. Даже до изобретения письменности. Марджери Кемп, воспитанная в купеческой среде XV в., не умела ни читать, ни писать. Все ее истории были записаны под диктовку другим человеком. В XIX в. такие фанаты, как Алиса Дрейк, имели намного больше возможностей для взаимодействия с предметом своего обожания – ничто не мешало слушать музыку до тех пор, пока в кошелке оставались лишние деньги, а поблизости выступал оркестр. Каждое последующее техническое достижение делало культуру более доступной, а фэндом – более социальным, но он был частью человеческой культуры на протяжении всей истории [20].

Развитие транспортных средств, а также рост благосостояния, количества свободного времени и личной независимости постепенно облегчали людям доступ к тому, что они любили. Интернет устранил последние барьеры, сведя требуемые усилия практически к нулю. Любители медиа

получают доступ к музыке, видео или книгам с помощью одного клика. Любителям шопинга интернет позволяет отыскивать, сравнивать и заказывать товары, не посещая магазинов. Любители делать что-то своими руками легко находят инструкции по изготовлению практически чего угодно. Поклонникам знаменитостей интернет позволяет узнать массу всего о жизни своих кумиров – об их творческом процессе, распорядке дня и мнениях по разным вопросам, – а иногда и дает возможность увидеть их без одежды.

До XIX в. имелось ограниченное количество текстов, официальных канонических сочинений, доступных широкой аудитории, что поощряло развитие такого «многоканального» подхода. Религия дает один из немногих примеров – Кемп не могла читать Библию, но могла посещать упомянутые в ней места, участвовать в порожденных ею ритуалах, петь посвященные ей песни и, разумеется, сочинять истории.

Общие культурные тенденции иногда имели тот же эффект. Французский аристократ, проникнувшийся любовью к американской культуре в конце XVIII в., мог отправиться в Америку, чтобы сражаться там в рядах революционных войск против Великобритании, но многие французы писали статьи в поддержку борьбы американцев за независимость, заказывали картины, прославляющие принципы устройства американского общества, ели индейку, кукурузу и другие продукты из Нового Света или же носили в своих прическах крошечные портреты Бенджамина Франклина. Но все это были исключения в мире, который уделял мало внимания подобным несерьезным занятиям.

Современный термин «фан-объект» используется для обозначения тех центров генерирования эмоций и физической активности, тех элементов культуры, которые порождают привязанность к себе и, что более важно, вдохновляют на активную деятельность. Раньше, когда нахождение фан-объекта и достижение близости к нему требовали огромных усилий,

Научно-популярное издание

Зои Фрааде-Бланар, Арон Глейзер

СУПЕРФЭНДОМ

Как под воздействием увлеченности
меняются объекты нашего потребления и мы сами

Выпускающий редактор Н. Галактионова

Редактор А. Петров

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры О. Иванова, Т. Дмитриева

Верстка И. Лысова

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака КоЛибри
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 15.11.2017.

Формат издания 60 × 90^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура «CharterITC».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 3000 экз. В-РBJ-19703-01-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплексе № 3А
www.pareto-print.ru